

ОТ ВОЙНЫ МИРОВОЙ К ВОЙНЕ ГРАЖДАНСКОЙ: ВОРОНЕЖСКИЕ ЖАНДАРМЫ НА РАЗЛОМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ

А. В. Перегудов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 марта 2018 г.

Аннотация: в год столетия окончания Первой мировой войны и начала Гражданской войны в России автором освещены основные направления деятельности воронежской жандармерии в 1914–1917 гг. В статье представлены три сюжетные линии – нахождение жандармов на театре военных действий, надзор за военнопленными и борьба со шпионажем, а также революционные потрясения, – помогающие в совокупности представить цельную картину о характере служебных обязанностей и обстоятельствах дальнейшей судьбы представителей провинциальной политической полиции.

Ключевые слова: жандармы, Первая мировая война, шпионаж, военнопленные, беженцы, Февральская революция.

Abstract: in the year of the centenary of the end of the First World War and the beginning of the Civil War in Russia the author presented the main activities of the Voronezh gendarmerie in 1914–1917. The article presents three storylines – the presence of gendarmes in the theater of military operations, supervision of prisoners of war, fight with espionage, and also revolutionary upheavals. This helps to present complete picture of the about the nature of official duties and on the fate of representatives of the provincial political police

Key words: gendarmes, First World War, espionage, prisoners of war, refugees, February Revolution.

Первая мировая война стала новым вызовом для политической полиции России, многократно умножив и усложнив обязанности отечественной жандармерии.

С объявлением всеобщей мобилизации в июле 1914 г. всем жандармским чинам приказывалось в случае их отсутствия вернуться к штатным местам службы. Целый ряд офицеров по разным причинам находились за пределами вверенного им района – к примеру, для санаторно-курортного лечения на группе Кавказских минеральных вод. В начале июля в Эссентуки в двухмесячный отпуск направился начальник Воронежского жандармско-полицейского управления железных дорог (далее – ЖПУ ж.д.) полковник В. Н. Деболи, месяцем ранее в Кисловодск проследовал его подчиненный – начальник Восточно-Донецкого отделения ВЖПУ ж.д. ротмистр Д. П. Руженцов [1]. С объявлением всеобщей мобилизации обоим пришлось прервать летний отпуск и срочно вернуться. К постоянному месту служения вынуждены были также возвратиться начальники отделений: Воронежского подполковник М. Д. Глотов и Каменского подполковник А. А. Крякин. Первый с 12 июля находился в служебной командировке в Нарве на о. Кренгольм для заведывания временным жандармским пунктом. Второй в начале июля был направлен в Ревель, где должен был помогать в организации

регистрационного бюро¹. Немного пробыв на балтийских берегах, штаб-офицеры вернулись в Воронеж [там же].

По словам командующего Корпусом жандармов в 1913–1915 гг. В. Ф. Джунковского, с началом войны многие его подопечные выразили желание отправиться на фронт, в действующую армию. Многочисленные благородные порывы вынудили руководство опубликовать приказ, в котором говорилось, что «...в настоящую серьезную для нашей Родины минуту одинакова важна служба как вблизи наших врагов, так и вдали от них, в тылу театра войны. Всякий верноподанный, имеющий определенные обязанности, – гласил документ, – должен в эти минуты напрячь силы для лучшего выполнения своего долга перед Государем и Родиной... оставаясь на своем посту, как бы пост этот ни был скромнен и далек от театра войны» [2, с. 398].

Однако для того, чтобы отправится на фронт, все не обязательно было записываться в действующую армию. Уже в августе 1914 г. жандармы из Воронежской губернии отправились в прифронтовую зону: пятеро унтер-офицеров командировались для формирования жандармской команды в крепость Ивангород, что в 90 верстах к югу от Варшавы. Первые подвиги были ими совершены осенью, когда

¹ У подполковника А. А. Крякина уже был подобный опыт, когда он весной 1913 г. во время торжеств в честь 300-летия Романовых руководил регистрационным бюро в Костроме.

гарнизону крепости пришлось отбивать две следующие друг за другом атаки: в сентябре немцев, в октябре австрийцев. Весной 1915 г. комендант крепости генерал А. В. фон Шварц удостоит четверых из них Георгиевской медали 4-й степени за отличия, проявленные в боях с неприятелем [3]. После оставления русскими войсками Ивангорода крепостная жандармская команда стала базироваться в Минске. Судя по документам, фиксировавшим время от времени пребывание унтеров в местах своего штатного служения, в Минске они находились не все время, а командировались туда периодически.

Участь командирования жандармских служащих (в том числе представителей офицерского состава) на театр военных действий коснулась и Воронежское ЖПУ ж.д. В середине августа 1914 г. для усиления Киевского ЖПУ ж.д. отправились 20 унтеров [1]. Отметим, что и в дальнейшем численность командированных определялась примерно этим же количеством. Так, по состоянию на апрель 1915 г. 20 нижних чинов находились в командировке на Галицийских железных дорогах [4].

В отличие от губернских коллег, жандармские офицеры из железнодорожных подразделений практически сразу оказались востребованными на территории, непосредственно примыкающей к театру военных действий. Причиной тому видится, во-первых, более полицейский характер их службы, а во-вторых, требование в кратчайшие сроки обеспечить контроль за правильной организацией железнодорожной транспортной сети и проходящему по нему трафику, играющими в условиях войны подчас решающую роль. Телеграммами из штаба Отдельного корпуса жандармов (далее – ОКЖ) от 28 и 29 августа 1914 г. начальник Каменского отделения ВЖПУ ж.д. подполковник А. А. Крякин откомандировывался в распоряжение начальника Киевского ЖПУ ж.д., а начальник Елецкого отделения ротмистр И. А. Ежов – на усиление ЖПУ Северо-Западных железных дорог [1].

Среди воронежских железнодорожных унтер-офицеров были также свои герои, отмеченные должным образом. К примеру, в марте 1916 г. приказом по армиям Юго-Западного фронта Федор Хижняков «за отлично усердную службу и труды, понесенные во время военных действий», награждался серебряной медалью на Станиславской ленте [там же]. В мае 1916 г. Георгиевской медалью 4-й степени за военные отличия был удостоен Яков Зуйков, на время войны прикомандированный к Киевскому ЖПУ ж.д. [там же]. Инициатива награждения исходила от командующего 3-м кавалерийским корпусом.

Подобные примеры наглядно показывают, насколько востребованными в военное время оказались жандармские чины. Количество жандармов в действующей армии увеличивалось пропорционально рас-

ширению прифронтовой полосы. Как следует из письма министра внутренних дел военному министру от 3 сентября 1914 г., к тому времени из частей и управлений ОКЖ в действующую армию было направлено 88 офицеров [5, с. 124–125]. Эта цифра не стала предельной, так как и в дальнейшем жандармы продолжали прибывать не только в части и управления ОКЖ, находящиеся на театре военных действий, но и в армейские штабы, где занимались контрразведкой.

После событий Февраля 1917 г. многие представители Корпуса жандармов не только в тылу, но и на фронте, несмотря на проявленные отличия и имевшиеся награды, стали незаслуженно подвергаться остракизму и дискриминации. А совсем скоро, в обстоятельствах нового времени, и вовсе были признаны классовыми врагами. Те из них, кто не успел в годы Гражданской войны покинуть территорию России, оказались репрессированными со стороны советской власти.

Несмотря на регулярные военные командировки, все же основной фронт работы, как и жандармский контингент, сосредотачивался в российской глубинке. Основными заботами стали надзор за военнопленными и борьба с потенциальным шпионажем.

В годы Первой мировой войны на территории Воронежской губернии наблюдалось скопление большого количества военнопленных, а в скором времени и беженцев, эвакуированных из западных губерний, вследствие серии военных неудач и отступления вглубь страны.

С объявлением войны все находившиеся на этот момент в российских регионах подданные враждебного «Тройственного союза» и его союзников подлежали выдворению либо за границу, либо в отдаленные внутренние губернии страны. К примеру, 31 июля 1914 г. воронежским полицмейстером В. М. Левандовским был задержан болгарин С. Станев, именовавший себя «кругосветным путешественником». «Одиссействовал» он не один, а вместе со своей женой и другом-единомышленником. При обыске их временной квартиры и проверке документов ничего предосудительного не нашлось, однако путешествие по России в данный момент было признано несвоевременным, вследствие чего болгары были высланы на родину [6].

По распоряжению штаба Московского военного округа от 17 июля 1914 г. жандармы арестовали и препроводили в губернскую тюрьму австрийского подданного К. Загурского, проживавшего в Острогском уезде. 11 августа, в соответствии с циркулярным приказанием губернатора, 30-летний австриец, признанный в силу возраста военнообязанным, был выдворен не за границу, а передан в распоряжение уездного воинского начальника для высылки в

Вологодскую, Вятскую или Оренбургскую губернии [там же].

В последующие годы, с постепенным набором войной оборотов, на территории губернии стали концентрироваться военнопленные. Их общее количество на 31 января 1916 г., по данным начальника жандармерии полковника В. И. Дацевича, составляло 6783 человека (таблица).

Таблица

*Обобщающие данные
всех военнопленных в Воронежской губернии [7]*

Германской армии	3 офицера	112 нижних чинов
Австрийской армии	342 офицера	5730 нижних чинов
Турецкой армии	–	596 нижних чинов
Итого	345 офицеров	6438 нижних чинов

Военнопленные содержались в казармах и на частных квартирах. Надзор за ними поручался сторожам, нанимаемым на средства частных, либо полицейским стражникам. Но, как правило, охранялись они очень плохо, чувствуя себя весьма вольготно, многое себе позволяли (в частности, интимные отношения с русскими женщинами), чем, естественно, вызывали крайнее неудовольствие местного населения. Жандармский ротмистр В. Малюгин, курировавший западные и южные уезды губернии, в октябре 1916 г. извещал начальство, что в сл. Калач размещенные казарменно 70 пленных австрийцев «ввиду слабого надзора обзавелись статским платьем и свободно разгуливают в ночное время по слободе» [там же].

Неудовольствие со стороны местного населения в зависимости от ситуации варьировалось от пассивной к активной форме. К примеру, в сл. Бутурлиновке в доме крестьянки-солдатки Е. Шевченко по вечерам собирались еще несколько солдаток, к которым для интимных сношений приходили военнопленные-турки. 1 марта 1916 г. терпение жителей лопнуло. В 9 часов вечера (видимо, при очередной встрече) вознегодовавшие на непатриотизм и нравственное падение слобожанок соседи заперли их в доме на замок. На другой день бутурлиновцы (около 300 человек) во главе с другими крестьянками-солдатками окружили «дом разврата», где «устроили над солдатками и турками разные бесчинства и насмешки, причем солдаток водили по улице, повязав им нижнее белье на головы, и всячески пристыживали их» [8].

Военнопленные были заняты преимущественно на работах в сельском хозяйстве, реже на промышленном производстве. Получали за это поденную оплату, на которую могли себя содержать.

Вследствие ненадлежащего надзора среди военнопленных фиксировались случаи побега. Первоначально они носили единичный характер, затем стали встречаться все чаще. Например, в ноябре 1916 г. из задонской монастырской башни, в которой временно размещался карцер для военнопленных, сбежал австрийский солдат. Он воспользовался тем, что в окнах башни, ввиду их большой высоты (8 аршин от земли), не было железных решеток. Вечером, под покровом темноты, он ухитрился бесшумно открыть окно, через которое и выскочил [там же].

На протяжении 1916 г. почти в 3 раза возросло количество военнопленных, «расквартированных» на территории губернии. Теперь их насчитывалось около 20 тыс. человек. Причиной столь резкого возрастания стало перенесение распределительного пункта военнопленных из Курска в Воронеж в октябре 1915 г. Сделано это было, видимо, из-за ряда неудач в ходе военных компаний и последовавшего отступления вглубь страны. Заведование распределительным пунктом было возложено на начальника гарнизона г. Воронежа и по совместительству начальника 8-й пехотной запасной бригады генерал-майора К. Д. Тимковского. Канцелярия этого пункта расположилась в том же здании, что и бригадное Управление – в доме № 28 по Грузовой улице.

Уже в декабре 1915 г. для оказания благотворительной и медицинской помощи военнопленным в Россию прибыла американская делегация Красного Креста в составе 9 врачей и 38 сиделок. Воронежским жандармам предписывалось «установить тщательное, но крайне осторожное наблюдение за деятельностью членов организации» [7]. Некоторым военнопленным действительно требовалась помощь, а кое-кому, судя по архивным свидетельствам, даже правовая защита. Но не немцам с австрийцами, к которым ехал Красный Крест, а туркам. В конце 1915 г. жандармам стало известно о ненадлежащих условиях содержания турецких подданных в специально созданной для них осенью 1914 г. в Острогжске больнице. Заведующий турецкой больницей для военнопленных получал ежедневно по 20 коп. на каждого больного за уход и присмотр. На эти же деньги он обязался их кормить. Однако вместо этого в «учреждении» процветали поборы (как со стороны уполномоченных от турок, так и полицейских надзирателей – с каждого заработанного рубля на сооружение больницы вычитали 5 % зимой и 10 % летом), избияния за нежелание идти на казенную работу из-за низкой поденной платы (по словам стражников, «вообще, турки – народ ленивый»), а также продажа фальшивых паспортов. Поддельный документ стоил 25 руб. и позволял вернуться в Турцию через Румынию и Персию в качестве мнимого греческого подданного. По данным на декабрь 1915 г., этим смогли воспользоваться 70 человек

[там же]. В апреле 1916 г. жандармский обер-офицер в Острогжске извещал начальство, что «положение турок в отношении содержания больных и их лечения до сего времени не улучшено» [там же].

В июле 1916 г. с согласия военного министра для осмотра российских лагерей военнопленных выехала очередная (на этот раз шведская) делегация Красного Креста в сопровождении одиннадцати немецких и австрийских сестер милосердия [там же].

Пристальное внимание, которое уделял Красный Крест этому вопросу, побудило власти разработать и опубликовать правила содержания военнопленных в пунктах их постоянного размещения. Из «Правил», опубликованных 30 марта 1916 г. в приказе по Московскому военному округу, видно, что всякого рода сношения с внешним миром для пленных были запрещены. Однако на практике это почему-то не соблюдалось. В целом, содержание пленных, если не считать острогжского инцидента, было более чем достойным. Один из пунктов гласил, что «каждый военнопленный офицер ежемесячно получает от русского правительства содержание» [там же]. В канун Февральской революции, 9 февраля 1917 г., начальник гарнизона г. Воронежа К. Д. Тимковский посетил с внезапной проверкой распределительный и пересыльный пункт и... остался недоволен распределением мяса (!) среди пленных: «Для нижних чинов... мясо режется кусками, один кусок на 10 человек, чему я очень удивляюсь, так как первый раз в жизни вижу такую раздачу мяса; не думаю, чтобы все 10 человек получили из этого куса равные порции мяса на обед» [там же].

Осенью 1915 г., наряду с открытием распределительного пункта, воронежские власти, в силу все того же «великого отступления» русской армии, ожидали большого наплыва на территорию губернии беженцев из эвакуируемых западных регионов страны. 22 сентября 1915 г. к двум часам дня на заседание комитета для обсуждения этого вопроса приглашение получил временно исполнявший должность начальника губернского жандармского управления (далее – ГЖУ) подполковник В. М. Долгов.

Осенью 1916 г. воронежские власти предприняли попытку пресечь участвовавшие побегі военнопленных. Было принято решение снять 30 % от общего числа пленных с крестьянских работ и передать их в ведение Военного ведомства для более строгого надзора за ними. Однако эта мера носила неоднозначный характер и, как следствие, встретила сопротивление на местах. Так, на съезде председателей земских уездных управ при обсуждении данного вопроса выяснилось, что «ввиду дождливого и холодного лета [в губернии] задерживалась своевременная уборка и обмолот хлебов». Снятие же с полевых работ около 6 тыс. военнопленных еще более усугубит и без того

непростое положение. В итоге было принято решение ходатайствовать об оставлении их на работах до 15 ноября. «Наблюдались случаи, – писал жандармский полковник В. И. Дачевич в рапорте от 1 ноября 1916 г. в Департамент полиции, – что главы крестьянских семейств, призванные в войска, случайно прибыв на короткое время на родину из госпиталей и по другим причинам, подавали прошения, в которых излагали просьбы оставить у них на работах военнопленных до окончания запоздавших в этом году полевых работ и обмолота хлеба» [там же]. Таким образом, в условиях массовой мобилизации мужского населения и острого дефицита рабочих рук военнопленные оказались весьма востребованными. В указанный период времени жандармское наблюдение фиксировало рост возмущения среди крестьянства при попытке отобрать у них работников, так как захваченные в плен солдаты противника распределялись по крестьянским владениям, хозяева которых находились на фронте.

Использование труда военнопленных в хозяйстве приобрело в годы войны массовую тенденцию. Не брезговали этим даже члены императорской фамилии. Так, в имении Ольгино (что рядом с Рамонью), принадлежащем великой княгине Ольге Александровне, летом 1916 г. работали пленные австрийцы [там же].

Важной составляющей в работе Воронежского ГЖУ в военные годы стала борьба со шпионажем, несмотря на то, что, являясь тыловым регионом, губерния редко становилась целью иностранных агентов. Самым громким шпионским скандалом здесь стало дело компании «Зингер», которая попала под подозрение властей еще накануне войны [9].

В декабре 1915 г. начальник ГЖУ извещал контрразведчиков из штаба Московского военного округа, что «постоянного наблюдения за кем-либо из проживающих в губернии лиц, заподозренных в шпионстве или оказании содействия германским властям, <...> систематически не велось за отсутствием в делах чинов Управления определенных указаний на шпионскую деятельность каких-либо лиц, проживающих в районе губернии» [10].

И действительно, синемундирным служащим редко когда удавалось встретить настоящего иностранного разведчика, однако постоянные проверки доносов на лиц с немецкой фамилией, наведение справок и наблюдение за подозрительными лицами требовали времени и сил, а также отвлекали от других, казавшихся в какой-то момент более важных, служебных обязанностей.

Серьезно настораживала жандармских чинов, порой даже пугала, ситуация с присутствием на территории губернии большого количества ссыльных, «высланных по разным причинам из местностей, находящихся ныне на театре военных действий, так

равно и из губерний, расположенных в тылу». Среди этих лиц были и иностранные подданные, которые, по мнению полковника В. И. Дацевича, могли нанести серьезный вред. «Имея в виду, – писал он губернатору в октябре 1915 г., – что Воронежская губерния, хотя и находится в тылу театра войны, но, как расположенная в центральной полосе и на линиях железных дорог, идущих к фронту, по условиям почти не отличается от других губерний, из которых высылаются сюда упомянутые выше лица. Кроме того, в Воронеже находится трубочный завод, являющийся одним из важных для нужд армии» [там же]. Жандармский штаб-офицер опасался, что «при существующей ныне в пределах губернии сети железных дорог [означенные лица] могут легко менять свое место жительства и тем ускользать от наблюдения за их деятельностью» [там же]. На основании вышеизложенного В. И. Дацевич настоятельно просил губернатора возбудить в МВД вопрос о прекращении высылки в губернию нежелательных лиц, скомпрометировавших себя ранее или признанных политически неблагонадежными.

Однако вместо этого в начале ноября воронежские власти получили телеграмму из штаба главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта о высылке в Черноземье 20 тыс. немцев-колонистов из Волынской губернии. По указанию губернатора для расселения были выбраны шесть южных уездов: Острогжский, Коротоякский, Бирюченский, Валуйский, Павловский и Богучарский [там же]. По мнению главного губернского жандарма, прибытие столь внушительного количества немцев могло усугубить ситуацию в регионе, и без того напичканном ссыльными и военнопленными, а также привести к росту социальной напряженности, так как отношение к немцам со стороны местного населения враждебно и недружелюбно.

В том же ноябре 1915 г. в «верхах» отказали изъять Воронежскую губернию «из числа местностей, назначенных для водворения неприятельских подданных и разных неблагонадежных лиц, удаляемых из других местностей в порядке исключительных положений», сославшись на то, что губернатор по «Положению о чрезвычайной охране» имеет достаточно полномочий для высылки из наиболее важных центров подозрительных лиц, не выдворяя при этом их совсем с территории губернии. Новый губернатор Ершов попросил жандармского полковника предоставить ему список подобных лиц. Тот, в свою очередь, запросил своих помощников и уездных исправников. Однако граждан, деятельность которых была бы признана угрожающей государственному порядку и общественному спокойствию, не нашлось. Дело закончилось ничем. В. И. Дацевич, видимо, сильно перестраховывался, а может, наоборот, подобная

бдительность позволила всерьез избежать крупных шпионских скандалов на местном уровне.

Освещая настроения населения Воронежской губернии, жандармские офицеры и нижние чины указывали на отдельные серьезные экономические трудности, которые воспринимались как временные, но, тем не менее, могли привести к определенным брожениям и даже беспорядкам. Однако ни в документах жандармерии, ни в столичных распоряжениях, касающихся провинциальных управлений политической полиции, не было ни намека на ожидание революционного взрыва.

Более того, в самый канун революционных событий ситуация в отдельных уездах носила в массе своей спокойный характер. К примеру, жандармский унтер-офицер С. Ермольев на пункте в с. Пески Новохоперского уезда неоднократно сообщал, что в ходе объезда сельских волостей «настроение крестьянского населения спокойное и никаких беспорядков или волнений не замечается», «настроение... по отношению к существующей ныне дороговизне спокойное» [11]. Последнее сообщение датировано 17 февраля. До революции в России оставалось несколько дней...

4 марта 1917 г. на заседании Временного правительства было принято решение об упразднении на территории бывшей Российской империи Отдельного корпуса жандармов с подведомственными ему учреждениями. Офицеров и нижних чинов (включая железнодорожную жандармскую полицию) постановили «немедленно передать на учет надлежащих воинских начальников для назначения в армию». В центре и на местах создаются многочисленные комиссии для разбора и изучения документов полицейских органов канувшего в лету российского самодержавия.

Днем ранее, 3 марта 1917 г., в Воронеж прибыли комиссары Временного правительства. На железнодорожной станции они разоружили всех жандармов и поставили часовых из прибывших с комиссарами войсковых частей. Газета «Воронежский телеграф» 9 марта разместила заметку «К ликвидации губернского жандармского управления». Опечатывались все его документы. Офицерские чины подверглись домашнему аресту, а нижних заключили в помещении трамвайного парка. Как пишет в своей работе С. Н. Токарева, полицейские без сопротивления выполняли последнее распоряжение своего начальства: сдавали оружие и расходились [12, с. 33].

Однако уже достаточно скоро городскому Исполкому общественного спокойствия стало известно о сокрытии жандармскими чинами оружия на железнодорожном перегоне станции Воронеж – Отрожка, вследствие чего последовала просьба к начальнику охраны г. Воронежа И. В. Шаурову найти и конфи-

сковать оружие, не обнаруженное ранее при разоружении жандармерии [13].

11 марта 1917 г. образованный в ходе Февральской революции в г. Воронеже городской Исполнительный комитет общественного спокойствия учредил комиссию в составе девяти человек под председательством заведующего библиотекой Воронежского сельскохозяйственного института Владимира Закса для принятия архива и библиотеки бывшего губернского жандармского управления. Комиссии поручалось составить их опись и доложить о состоянии архива и составе библиотеки. Через несколько дней стало известно, что в доме, где размещалась жандармерия, в ходе революционной суматохи и после спешного покидания жандармами служебной канцелярии побывали посторонние лица. Как следствие, 14 марта 1917 г. за № 22 выходит дневной бюллетень Исполкома общественного спокойствия в г. Воронеже, призывавший местные газеты поместить объявление «о возврате книг архива губернского жандармского управления, взятых отсюда разными лицами случайно или по неведению уже после его упразднения» [14]. Из бюллетеня мы узнаем, что в библиотеке ГЖУ хранилось большое количество книг – 555 единиц. Их предполагалось распределить следующим образом: 161 книгу, имевшую историческое значение, «временно поместить в фундаментальной библиотеке воронежского СХИ с условием не выдавать их никому на дом, но предоставив широкой публике возможность пользоваться ими в читальне института» [там же]; 357 книг предполагалось передать Совету рабочих и солдатских депутатов «для учреждения читальни, доступной широкой публике», и 37 книг, по всей вероятности конфискованных из библиотеки местного Общества вспомоществования приказчиков, вернуть обратно этому Обществу.

Комиссия по обследованию архива и библиотеки ГЖУ состояла из представителей местной общестственности – библиографов, краеведов, педагогов, гласных городской Думы, представителей земства. Помимо них в комиссию входили уполномоченные от совета рабочих депутатов.

Комиссия обследовала архив и библиотеку ГЖУ в течение пяти дней: 17, 18, 19, 20 и 22 марта. Вряд ли за столь короткий срок удалось подробно и основательно изучить содержание документации жандармерии. Скорее, это был начальный этап работы. На этом этапе в деятельности комиссии преобладало не столько научно-библиографическое изучение архива, сколько политические мотивы. Выявление агенто-осведомителей, агенто-provокаторов с дальнейшей публикацией в местных газетах списков секретных сотрудников воронежской жандармерии – вот, судя по всему, основная цель, стоявшая перед ее членами и перед городским Исполкомом общественного спо-

койствия, по чьему распоряжению была создана комиссия. Однако найти списки секретной агентуры было не так просто. Для того чтобы их установить, потребовалась кропотливая аналитическая работа. Интересующую информацию необходимо было выуживать из многочисленных данных о сектантах, революционерах различного толка, филерах, военной контрразведке, шпионаже, устаревших циркулярах, охране высочайших особ, посещавших губернию, отчетности по дознаниям, происшествиях и т. д. В работе комиссии ощущалась поспешность, многие сведения перед публикацией в губернской и уездных газетах не подвергались перепроверке, что значительно осложняло жизнь лицам, внесенным в список провокаторов [15].

Из материалов о деятельности комиссии нам становится известным интерьер внутренних помещений губернской жандармерии, скрытый некогда для любопытного взора обывателя. В этой связи не лишним будет сказать несколько слов о доме, в котором квартировало ГЖУ. Он располагался в 9 квартале Мещанской части города под № 26 на Большой Девицкой улице. Принадлежал вдове купца Варваре Алексеевне Глумовой, которая заключила в декабре 1911 г. контракт с городской управой о сдаче особняка в аренду под жандармское управление начиная с 1 января 1912 г. Дом состоял из семи комнат, в том числе двух передних с теплым ватерклозетом и коридором. Имелся водопровод, но отсутствовало электрическое освещение. Во дворе имелся сарай размером 5×8 аршин и, что немаловажно, выход под домом [16]. В пяти жилых комнатах размещался жандармский полковник со своим семейством, в двух остальных (так называемых передних) находилась канцелярия, в которой занимались унтер-офицеры, и личный кабинет начальника, где помимо него самого размещался еще и адъютант. Известно, что в доме имелась особая комната, предназначенная для жандармского архива. В этих вот помещениях воронежские жандармы и встретили Февральскую революцию.

Документы указывают на следы торопливого покидания жандармскими офицерами места своего пребывания (оставленные в канцелярии незначительные денежные суммы) и на попытки скрытия секретной информации (извлеченные сведения о секретной агентуре). В дальнейшем комиссией было признано целесообразным часть мебели, две пишущие машинки и другие канцелярские предметы отдать в Совет рабочих депутатов; печати, штампы, а также портреты и фотографические группы поместить в местный музей; иконы и подсвечники передать в какую-нибудь бедную школу или церковь. Сам же архив ВГЖУ предстояло перевести в более безопасное место, коим был признан губернский отдел архивной комиссии.

По мнению общественников, это позволило бы все дела, связанные с деятельностью жандармерии, сделать более доступными для обозрения и изучения [17].

Следует отметить, что региональные власти на порядок раньше озаботились сохранностью архивов местных жандармских управлений, чем столичное руководство, уберегая их тем самым от расхищения и уничтожения. Лишь 6 апреля 1917 г. за подписью товарища министра внутренних дел Временного правительства князя С. Д. Урусова вышел циркуляр «с указаниями по вопросу о расформировании учреждений Отдельного корпуса жандармов». Документ состоял из нескольких пунктов и отражал основные направления предстоящей деятельности. Запасы вооружения нижних жандармских чинов отныне требовалось передать в местные артиллерийские склады. Для разбора архивов, дел и переписок ГЖУ и ЖПУ ж.д. создавались особые комиссии в составе трех человек, включавших в себя председателя и двух членов. Комиссии должны были комплектоваться представителями окружного суда, прокуратуры, губернского комиссариата или местного железнодорожного начальства. Документооборот подразделений политической полиции предполагалось структурировать в соответствии с выявленной тематикой. К примеру, дела по строевой и хозяйственной части предполагалось передавать уездным воинским начальникам, по политическому и общеуголовному характеру – прокурорам окружных судов; касающиеся шпионажа – в штабы военных округов [18]. Как видим, начальный этап подобной работы в Воронеже состоялся еще в марте.

Циркуляр МВД от 6 апреля 1917 г. примечателен еще и тем, что призывал особые комиссии выискивать в кассах упраздненных жандармских органов наличные деньги, которые в случае обнаружения должны были быть запротоколированы (в частности, о размере выявленной суммы требовалось известить министерство) и в дальнейшем направлены для размещения в депозиты окружных судов. Дальнейшая судьба средств зависела от МВД. Как правило, обнаруженные суммы были незначительны. Но иногда удавалось сорвать крупный куш. Так, 20 ноября 1917 г. сберегательная касса при управлении Юго-Восточных железных дорог внесла в Воронежское губернское казначейство для зачисления в депозит окружного суда «принадлежащие вкладчику кассы начальнику Воронежского ЖПУ ж.д. [полковнику В. Н. Деболи] наличными деньгами 72 руб. 32 коп. и процентными бумагами 1 тысячу руб.» [19]. Или случай из Новочеркасска. Депозит местного окружного суда в августе 1917 г. пополнился на 1371 руб. 4 коп. наличными и 1 тыс. руб. процентными бумагами, принадлежавшими некогда начальнику Донского областного жандармского управления [там же].

В апреле 1917 г. мера пресечения для жандармских офицеров в виде домашнего ареста была заменена на реальный арест с препровождением в губернскую тюрьму. В соответствии с постановлением Исполкома Воронежского комитета рабочих и солдатских депутатов пять жандармских офицеров были арестованы в ночь с 12 на 13 апреля 1917 г. Одновременно их дома подверглись обыску. Аналогичная участь постигла бывшего воронежского полицмейстера К. К. Гепнера. Позднее жандармские офицеры П. А. Зякин, И. А. Ежов и А. Г. Петерсон были направлены в Москву «для распоряжения Московского совета рабочих депутатов» [20]. Начальник ГЖУ полковник В. И. Дацевич и начальник ЖПУ ж.д. полковник В. Н. Деболи остались в Воронеже. Проследить их судьбу в дальнейшем не удалось. Правда, по данным историка С. В. Волкова, Дацевич в годы Гражданской войны состоял в вооруженных силах юга России. В период с декабря 1919 по март 1920 г. эмигрировал из страны и по сведениям на май 1920 г. находился на территории Югославии. Его дочь, Наталья Владимировна, в 1922 г. состояла членом Союза русских студентов Белградского университета (филологический факультет) [21].

В книге раннего советского историка и публициста П. Е. Щеголева, уроженца Воронежской губернии, А. Г. Петерсон со слов последнего начальника Особого отдела Департамента полиции МВД полковника И. П. Васильева, назван одним из крупнейших провокаторов [22, с. 168]. До Воронежа имел солидный послужной список: служил помощником начальника Петроградского и начальником Варшавского охранных отделений. Но к словам И. П. Васильева (или приписанным ему Щеголевым) следует относиться с известной долей скептицизма. На ниве политического сыска Петерсон особым образом себя не проявил, а с 1906 г. и вовсе перешел на более спокойную службу в железнодорожное подразделение. В годы Первой мировой войны подполковник А. Г. Петерсон руководил Мармыжским отделением Московско-Киевского ЖПУ ж.д., штаб-квартира которого находилась в Воронеже на Никитинской, 43.

Жандармские офицеры в целом весьма удовлетворительно справлялись со своими прямыми обязанностями. Степень их информированности о происходивших событиях, а также настроениях, царивших в среде обывателей, была высокой. О нараставших кризисных явлениях они своевременно и полно информировали как начальствующих лиц Корпуса жандармов и МВД, так и представителей местной администрации. Если прибегнуть к примитивному ассоциативному ряду, жандармы напоминали немого, который все знает, но сказать (или в данном случае сделать, из-за отсутствия достаточных на то властных полномочий) не может.

Поднимавшийся неоднократно в исторической литературе вопрос, несут ли ответственность служащие политической полиции за крах самодержавия в 1917 г., является предметом для дискуссий. Здесь наметились два основных подхода. Первый, более поверхностный, построенный на достаточно простом сопоставлении. Если основной обязанностью жандармерии была защита государственного строя и он пал, то, соответственно, виновны. Второй подход – более взвешенный, многослойный. Это структурный политический кризис самодержавия, нежелание меняться в обстоятельствах меняющегося времени.

Будучи «глазами и ушами» властных институтов, увы, предотвратить революционные события служащие политической полиции были не в состоянии – это было за гранью их компетенции. Вопреки расхожему мнению, деятельность жандармской полиции со времен Великих реформ осуществлялась в рамках правового поля. Жандармы не выносили обвинительных приговоров, подменяя собой суд, не отправляли в ссылку, заменяя собой губернатора, и т. д. Поэтому при всей предвзятости российского общества к синемундирным служащим их функционал сильно преувеличен. Исторический опыт показывает, что политическая полиция не смогла предотвратить ни убийство Александра II, ни события Первой русской революции. Seriously реформированная в начале XX в. жандармерия после 1907 г. успешно противостояла революционным силам, большая часть из которых оказалась либо ликвидированными, либо в подпольно-эмигрантском положении. Крах Российской империи стал одновременно абсолютной неожиданностью и чем-то вполне закономерным. Однако суждения о причинах революционных событий в России, весьма обширных по объему и неоднозначных по своей структуре, выходят за рамки нашего исследования.

Революционные события 1917 г. стали концом профессиональной карьеры служащих жандармерии. Большинство из них революции не приняло, особенно Октябрь. Хотя, если бы и приняло, выстроить конструктивные отношения с представителями новой власти и найти себя в новой жизни с репутацией жандарма было практически невозможно. Они стали чужими в своей собственной стране. В дальнейшем

их участь незавидна. Отныне их ждала социальная дискриминация и угроза насилия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Воронежской области (далее – ГА ВО). – Ф. И-213. – Оп. 1. – Д. 1.
2. Джунковский В. Ф. Воспоминания : в 2 т. / В. Ф. Джунковский. – М., 1997. – Т. 2.
3. Перегудов А. В. Русские жандармы в Первой мировой войне : от подвига к дискриминации / А. В. Перегудов // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 9.
4. ГА ВО. – Ф. И-213. – Оп. 1. – Д. 2.
5. Кирмель Н. С. Спецслужбы России в Первой мировой войне 1914–1918 гг. / Н. С. Кирмель. – М., 2018.
6. ГА ВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1088.
7. ГА ВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1161.
8. ГА ВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1204.
9. Перегудов А. В. Военный шпионаж в Воронежской губернии в годы Первой мировой войны / А. В. Перегудов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2015. – № 1.
10. ГА ВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1180.
11. ГА ВО. – Ф. И-1. – Оп. 2. – Д. 1351.
12. Токарева С. Н. Милиция Временного правительства : по материалам Черноземного центра России / С. Н. Токарева. – Курск, 2015.
13. ГА ВО. – Ф. И-218. – Оп. 1. – Д. 1.
14. ГА ВО. – Ф. Р-2393. – Оп. 1. – Д. 14.
15. Перегудов А. В. «...В самое ближайшее время перевести архив и все дела жандармского управления в такое помещение, где они были бы в большей безопасности» / А. В. Перегудов // Воронежский вестник архивиста : научно-информационный ежегодник. – Вып. 11–12. – Воронеж, 2013–2014.
16. ГА ВО. – Ф. И-19. – Оп. 1. – Д. 2679.
17. ГА ВО. – Ф. И-1. – Оп. 1. – Д. 1673.
18. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). – Ф. 1791. – Оп. 2. – Д. 17.
19. ГА РФ. – Ф. 7113. – Оп. 14. – Д. 25.
20. ГА ВО. – Ф. Р-2393. – Оп. 1. – Д. 15.
21. Волков С. В. База данных «Участники Белого движения в России» по состоянию на январь 2016 г. / С. В. Волков. – Режим доступа: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/pdf/Uchastniki_Belogo_dvizhenia_v_Rossii_05-D.pdf (дата обращения: 10.03.2018).
22. Жандармские откровения // Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. Секретные сотрудники и провокаторы. – М., 2004.

Воронежский государственный университет
Перегудов А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории
E-mail: History.vsu@yandex.ru
Тел.: 8 (473) 239-29-34

Voronezh State University
Peregudov A. V., Candidate of the Historical Sciences, Associate Professor of the Political History Department
E-mail: History.vsu@yandex.ru
Tel.: 8 (473) 239-29-34